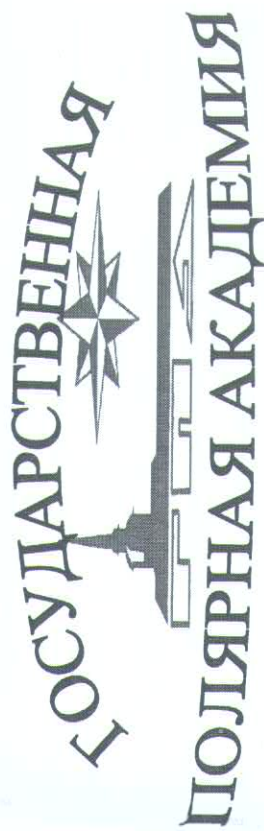

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛЯРНАЯ АКАДЕМИЯ

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И МЕТОДИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ЧЕТВЕРТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

21–22 февраля 2012 г.

ТОМ I

Санкт-Петербург

2012

Собакина Л.С. Современные технологии в обучении иностранному языку студентов заочного отделения.....	342
Суворова Е.Г., Масюк М.Р. Обучение чтению – важный фактор продуцирования речи.....	344
Цыбанёва В.А. Модульная программа в процессе обучения будущих учителей иностранных языков.....	349
Чистякова В.В. Некоторые способы оптимизации обучения устному монологическому высказыванию (английский язык как второй иностранный).....	353
Чугунова Т.О. Профессионально ориентированное обучение латинскому языку.....	356
Штанько Е.В. К вопросу о повышении эффективности обучения аудированию в неязыковом вузе.....	359
Ян Лю. Аксиологический аспект наименования лиц по профессии в русской культуре как предмет обучения РКИ.....	368
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	374

ЧАСТЬ I. МАСТЕР-КЛАСС

В.Д. Алташина (Санкт-Петербург)

«МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

«И рошчет мыслящий тростник?» - эта строка Тютчева в России, наверное, известна не меньше, чем само изначальное паскалевское, ставшее хрестоматийным, сравнение человека с мыслящим тростником. Интересно, откуда же взялся этот образ?

Традиционно метафора связывается с библейским противопоставлением силы Иоанна Крестителя слабости колеблемого ветром тростника: «... что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую?» - спрашивает Иисус (Мф 11: 7). Можно найти и указания на то, что образ этот был, якобы, подказан Паскалю его старшим другом, математиком Дезартом, который также явился вдохновителем «Трактата о конических сечениях», не менее знаменитого в своих кругах, чем «мыслящий тростник». Ничего более конкретного найти не удалось. Любопытно, что при всем обилии работ о «Мыслях» Паскаля (во Франции, разумеется), эта самая известная метафора не была глубоко исследована, хотя Паскаль дважды использует этот образ, углубляя и оттачивая свою мысль.

№ 104 «Мыслящий тростник. Наше достоинство – не в овладении пространством, а в умении здраво мыслить. Я ничего не приобретаю, сколько бы ни приобрел земель: с помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня, как некую точку; с помощью мысли я охватываю всю Вселенную» [4; 116 - 10; 106]

И только после этого (№ 186)¹: «Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он - тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, - человек все равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что расстается с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает» [4; 115 - 10; 161]. Этот отрывок однозначно и справедливо признается самым совершенным и отточенным из всех, порой обрывочных и недосказанных «бумаг мертвеца», которые, как писал первый их издатель, племянник Паскаля, могут дать лишь очень «трубое» представление о замысле мыслителя.

Библейская аллюзия ясна и прозрачна, однако, Паскаль противопоставляет тростник, колеблемый ветром, тростнику мыслящему, утверждая, что вся сила человека в его «способности мыслить» - сквозная идея всех паскалевских размышлений.

Для того чтобы понять, в какой степени Паскаль обязан Дезарту (1591-1661), пришлось обратиться к математическим трудам этого великого ученого, основоположника

проективной и начертательной геометрии. В своих трактатах («Трактат о перспективе» (*Traité de la perspective*, 1636) «Трактат о конических сечениях» (*Traité des sections coniques*, 1639) математик использует весьма специфическую собственную терминологию, почерпнутую из ботаники: так, прямые, на которых расположены точки сечения, он называет «стволом», каждую из прямых, составляющих ствол - «ветвью вербы» и т.п. Тростник, правда, он не упоминает, однако от французского *tameau* - верба до *goseau*-тростник всего лишь один шаг - и в звучании и в самом образе - сделанный Паскалем, который, кстати, использует дезарговский термин «узел» в своих рассуждениях о первородном грехе (№ 122) . В «Фундаментальном предложении об использовании перспектив» Дезарг пишет, что понятия сильного и слабого не абсолютны, но относительны, все зависит от взгляда, перспективы [9; 99-100] . Паскаль безусловно был вдохновлен и этой научной идеей своего наставника и его своеобразной терминологией, которые сплелись в единый узел в знаменитой метафоре.

Наконец обращусь и к чисто литературной традиции, восходящей к басне Эзопа «Дуб и тростник»: «Дуб и тростник спорили, кто сильнее. Подул сильный ветер, тростник дрогнул и пригнулся под его порывами и оттого остался цел; а дуб встретил ветер всей грудью и был выворочен с корнем. Сильнейшими не следует спорить». Сильнейшим у Эзопа является не только ветер, но и тростник, как и у Паскаля, который оказывается более хитрым - умным. Эта басня, несомненно, была известна Паскалю, равно как и его знаменитому соотечественнику и современнику Ж.де Лафонтену, написавшему свое политическое переложение в 1668 г. Баснописец, который считал это произведение своим шедевром, не мог знать «Мыслей» Паскаля, опубликованных впервые лишь в 1670 г. Видимо, образ слабого, но стойкого тростника просто витал в воздухе того времени!

Прежде чем перейти к основной теме, несколько слов о русских переводах знаменитого образа. Французская лексема *goseau* (m) представляет собой родовое название для группы однолетних растений, произрастающих на берегу прудов, и на русский язык может быть переведена как «тростник» и «камыш». Ни один из переводчиков Паскаля не использует второй вариант, вероятно, стремясь сохранить библейскую аллюзию и полагая, что тростник звучит поэтичнее, хотя некоторые, в том числе и первый переводчик И.Бутовский (1843) предлагают чисто русскую реалию «слабой былинки». Образ тростника, который мыслит, появляется впервые в переводе П.Д.Перова, вышедшем в 1889 г.: «Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит» [3; 47]. «Тростник мыслит», конечно, похоже на «мыслящий тростник», но не то же самое! Откуда же в России взялся «мыслящий тростник»? Ответ на этот вопрос - в первых словах моего доклада, который я начала с

цитаты Тютчева. Да, именно в его стихотворении «Певучесть есть в морских волнах», написанном 11 мая 1865г. впервые появляется эта метафора. И это не случайно: неоднократно отмечалось глубокое воздействие идей французского философа на русского поэта. Тютчев (1803-1873) полагал, что «Едиственная философия, совместимая с христианством, целиком содержится в Катехизисе. Необходимо верить в то, во что верил святой Павел, а после него Паскаль, склонять колена перед Безумием креста или же все отрицать. Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом, этим жалким разумом, признающим лишь то, что ему понятно, то есть ничего!» [6; 55] Как тут не вспомнить призыв Паскаля: «Смирись, бессильный разум!» и его знаменитое пари.

Б.Н.Тарасов в статье «Тютчев и Паскаль. Антиномии бытия и сознания в свете христианской теологии» пишет, что «знакомство Тютчева с творчеством Паскаля состоялось еще в студенческие годы» [6; 55-56], когда он начинает с увлечением читать авторов, писавших о божественности Иисуса Христа, в том числе и Паскаля, что отмечено в дневниковой записи М. П. Погодина (9 августа 1820 года). А в Рождество 1860 года, поэт дарит своей двадцатилетней дочери Марии, склонной к самоуглублению и нравственным исканиям, две книги Паскаля - "Мысли" и "Письма к провинциалу". «Зная Паскаля, перелистайте Тютчева, - предлагают в своей книге о Паскале Кляус Е.М., Потребянский И.Б., Франкфурт У.И. [2; 309] - и у вас непременно возникнет ощущение, что стихи замечательного русского поэта, полные напряженной мысли, с их какой-то немаящей всееленской тоской, со стремлением «постичь загадку бытия» и «глубину души людской», с их религиозной образностью и элементами мистицизма, - стихи эти определено сродни, по самой сути своей, «Мыслям» Паскаля». Перелистаем Тютчева и мы.

Обратимся к уже процитированному стихотворению, в котором образ тростника-камыша используется поэтом трижды: в эпиграфе, первой строфе и предпоследней. Первая строфа изображает гармонию природы: певучесть, гармоничность, стройность и «лыбкий камыш» предстает как часть этого совершенного мира: его мусикийский т.е. музыкальный шорох «струится». Далее ему противопоставляется «мыслящий тростник» - человек, который «ропщет», идея, развитая в последней строфе:

« И от земли до крайних звезд / Всё безответен и поныне / Глас вопиющего в пустыне./

Души отчаянной протест?»

В этих четырех строках удивительным образом, доступным лишь поэзии, предельно лаконично и вместе с тем глубоко находят свое выражение сама суть паскалевских размышлений о человеке: в них звучит его главный вопрос – «Что такое человек во Вселенной?» [4,38], в них выражен ужас перед «вечным безмолвием бесконечных пространств» [4,47]. В стихотворении поэт удивительно тонко обыгрывает двойной перевод: камыш соприроден, тростник ошелочечен. Возможно, именно благодаря Тютчеву в русской переводческой традиции укрепился образ тростника, а не былинки или камыша, т.к. все переводы появляются позже.

«Лишь жить в себе самом умей - / Есть целый мир в душе твоей», - призывает поэт в стихотворении *Silentium*, где вновь возникает образ безмолвной природы и где, как и у Паскаля, звучит мысль о непостижимости человека.

Столь важный для Паскаля образ «бездны» - «Кто вдумается в это, тот содрогнется и, представив себе, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани двух бездн – бездны бесконечности и бездны небытия, - исполнится трепета перед подобным чудом, и, сдастся мне, любознательность сменится изумлением, и самонадеянному исследованию он предпочтет безмолвное созерцание» [4, 38] появляется в стихотворении «Лебедь» («Она, между двойною бездною») и «Как океан объемлет шар земной» («И мы пьем, пылающею бездною/ Со всех сторон окружены»), в которых сквозит то же изумление и то же трепет, что у Паскаля, то же явное предпочтение «безмолвного созерцания» «самонадеянному исследованию». Можно отметить еще одну удивительную переводческую находку Тютчева, не востребованную переводчиками: «две беспредельности», появившиеся в стихотворении «Сон на море», как нельзя более точно передают выражение Паскаля-математика «*deux infinis*»: «Две беспредельности были во мне, / И мной своевольно играли оне».

А как по-паскалевски звучат заключительные строки стихотворения «Наш век»: «Впусти меня! - Я верю, Боже мой! / Приди на помощь моему неверью!...»

Заслуга Тютчева и в том, что именно благодаря ему образ «мыслящего тростника» прочно вошел в русскую поэзию. Так, Игорь – Северянин в сонете 1926 г., посвященном Тютчеву, пишет:

«Мечта природы, мыслящий тростник, / Влюбленный раб роскошной малярии, / В душе скрывающий миры немые, / Неясный сердцу ближнего, поник».

А Анна Ахматова, в шестой книге стихотворений (1923-1940), названной «Тростник», в качестве одного из эпиграфов приводит всю ту же строчку Тютчева и завершает первое стихотворение, открывающее сборник и посвященное М.Лозинскому надеждой на то, чтобы «Тростник оживший зазвучал». Любопытно отметить, что

комментаторы в примечаниях даже не упоминают имени Паскаля – тотчевский образ стал синонимом недостаточным.

Но «мыслящий тростник» Паскаля не уходит из русской поэзии: к нему после Тютчева и, в данном случае, без связи с ним, возвращается М.Цветаева в своей «Поэме лестницы» (1926), где мыслящий тростник противопоставлен образу современного бездуховного миллиардного князя:

«Это ты -- тростник-то / Мыслящий? -- Биллиардный кий! / Застрахованность от стихий!»

Все произведение Цветаевой строится на противопоставлении двух бездн – верха и низа, подвала и чердака, черной лестницы и карты звезд. Не случайно упомянут и сон Иова: по библейскому преданию, Иакову приснилась во сне лестница, один конец которой упирался в землю, другой – в небо; по ней спустились и поднимались ангелы.

Обращение Цветаевой к Паскалю не является случайным: поэтесса очень чтила мыслителя и хорошо знала его произведения, о чем свидетельствует ее переписка. Так, она писала: «Мне интересно все, что было интересно Паскалю и не интересно все, что было ему не интересно» [8; 507] и еще: «Я люблюсь на правильность своего инстинкта: недаром я не любила Valery, оказавшегося анти-паскальцем» [8; 459].

Во второй половине XX века Паскаль – не самый известный и востребованный мыслитель, однако, отсылки к нему встречаются и в поэзии этих лет. В 1984 г. Полина Дашкова (настоящее имя Татьяна Викторовна Поляченко, 1960), автор известных детективов, которая, как оказалась, начала свой творческий путь в поэзии, пишет стихотворение «Произнесемте: мыслящий тростник», эпиграфом к которому являются слова Паскаля, хотя и не совсем точные:

«Человек – самый слабый тростник во вселенной, но тростник мыслящий. Изначем всей природе вооружаться, чтобы погубить его. Паскаль»

Дашкова обращается непосредственно к самому Паскалю, вступая с ним в доверительный разговор, овеянный мягкой иронией, в котором образ тростника становится лейтмотивом, а само стихотворение превращается в парафраз паскалевской мысли, с упоминанием всех основных ее составляющих: Вселенная, слабость тростника, а порыв ветра и капля воды, что как не пустяк? Стихотворение очень информативно: оно не только парафразирует в доступном современному читателю варианте знаменитую мысль Паскаля, но и обозначает страну – Францию, эпоху – семнадцатый век, называя ученого «сометром» по сложившейся в то время традиции, когда под геометрией подразумевалась вся математика.

В 2003 г. Хельга Ольшванг издаст книгу «Шесть стихотворений о мыслящем тростнике», где тростник выступает лишь в роли картинки, образа, лишившись своего паскалевского содержания. Образность проявляется, прежде всего, во внешнем виде стихотворений, изображающих тростник – калиграмма, отражающая хрупкость и тонкость человеческого восприятия, не более. Поэтесса обращается и к зрительному и к слуховому восприятию читателя, передавая за счет аллитераций шуршание тростника.

«Камыш» как аналог тростника не встречается в переводах Паскаля, зато эта синонимия сплона обыгрывается И.Губерманом:

«Паскаль бы многое постиг, / Увидь он и услышь, / Как пьяный мыслящий тростник
Поет «Шумел камыш». [1]

В 2003 г. Вадим Халтома выпустил книгу «Импровизация на тему: «Французские моралисты», где он в четверостишиях резюмирует известные афоризмы, стремясь показать их актуальность для сегодняшнего дня, а потому предельно упрощая содержание:

«Человек – тростинка малая./ Слабосильная, усталая, / Но мыслительной способностью

Затеняет все огромности!» [7; 334]

«Тростинку» мы находим в последнем на сегодняшний день переводе «Мыслей» Паскаля Ю.Гинзбург, которая совершенно неоправданно использует уменьшительный суффикс: тростнику не надо быть тростинкой, он итак самое слабое из созданий природы! [5; 112]

Что и говорить, «мыслящий тростник» прошел (или продолжает идти?) свой долгий и непростой путь и в русских переводах, и в русской поэзии: от «слабой былинки» до «камыш» и «мыслящей тростинки», от наиболее верного оригиналу и соответствующего мысли Паскаля точечского «мыслящего тростника, от его глубокого знания, осмысления и проникновения в мысль философа до образа-штампа, почти утратившего свое философское и религиозное значение и потерявшего связь со своим создателем – Паскалем.

Примечания

¹ На сегодняшний день наиболее авторитетным считается порядок, предложенный Ле Герном. В русском переводе используется более раннее издание.

² В книгу "Медальоны" (Белград, 1934) вошло 100 сонетов о поэтах, писателях и композиторах, большая часть из которых написана в Тойла (1925-1927).

Литература

1. Губерман И. Гарики на каждый день. Москва, МП «ЭМИА», 1992. <http://lib.ru/GUBERMAN/gariki2.txt>
2. Ключев Е.М., Погребыский И.Б., Франкфурт У.И. Паскаль (1623–1662). – М.: Наука, 1971.
3. Паскаль Б. Мысли. Перевод П.Д.Первова. СПб.: «Пантеон литературы», 1889.
4. Паскаль Б.Мысли. Перевод Э.Линейской. СПб.: «Северо-Запад», 1995.
5. Паскаль Б.Мысли. Перевод Ю.Гинзбург. М.: «Астрель», 2011.
6. Тарасов Б. Н. Тютчев и Паскаль. (Антиномии бытия и сознания в свете христианской онтологии) // «Русская литература», 2000, №3.
7. Халтома В. Импровизация на тему: «Французские моралисты». М.: «Компания Спутник», 2010.
8. Цетаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997
9. Desargues G. Oeuvres: In 2 t. P., 1861. T.1. P. 99-100.
10. Pascal B. Pensées. P.: Gallimard, 2004.

А.И. Жеребин (Санкт-Петербург)

СЕРДЦЕ И ГРАНИТ. О СТИХОТВОРЕНИИ РИЛЬКЕ «НОЧНАЯ ПОЕЗДКА»

В 1780-е годы Гете вынашивал замысел большого космогонического произведения – романа о мироздании». Один из фрагментов этого незаконченного текста называется «О граните»: «Я не боюсь упрека в том, что, якобы, один только вкус к противоречиям побудил меня перейти от изучения и описания человеческого сердца, этого самого юного и подвижного, самого разнообразного и изменчивого, самого уязвимого из предметов сотворенного мира, к наблюдениям над древнейшим, прочнейшим, глубочайшим и наиболее неподатливым порождением природы – гранитом. Ибо трудно не признать, что все вещи природы не включены в ее всеобъемлющее целое» [11, 262].

Сердце и гранит или «Я» и камень образуют два полюса единого силового поля, которое можно определить как природу, как творение: казалось бы, речь идет о противоположных понятиях, но с пантеистической точки зрения Гете они связаны, благодаря божественному всеприсутствию. В натурфилософии Гете, в его «спокойном пантеизме» [5, 25] уже зреет мистическая вера романтиков в тайную связь между всеми существами.